

В. Г. АДМОНН

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИЗУЧЕНИИ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ СТОРОНЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

1. За последние 10—15 лет количественная сторона грамматических явлений стала изучаться весьма широко — как в советском языкознании, так и за рубежом. Большую роль играло при этом развитие прикладного языкознания и математической лингвистики. Но и развитие классического языкознания — в частности, грамматики — имело здесь немалое значение. Так, уже на рубеже XX в. у младограмматиков все чаще и чаще начинают появляться работы, широко учитывающие количественную сторону грамматических явлений, особенно употребительность некоторых грамматических форм (Блюмель, Бехагель и др.). Сама практика работы над конкретным материалом, сама логика развития науки толкала исследователей в этом направлении.

Автор этих строк также встал перед необходимостью обращения к количественной стороне грамматических явлений в результате своей работы над конкретным материалом синтаксиса немецкого языка, особенно когда этот материал был подвергнут историческому изучению. Такие проблемы, как развитие рамочной конструкции предложения, изменения в структуре группы существительного и т. п., во-первых, оказались неразрывно связанными с такими количественными явлениями, как размеры словосочетания и элементарного предложения, а во-вторых, потребовали установления частотности употребления соответствующих форм.

Придя к изучению количественной стороны грамматических явлений изнутри лингвистической (грамматической) проблематики и с чисто лингвистической целью, автор этих строк оказался вынужденным заново рассмотреть вопрос о методике изучения этой стороны грамматических явлений, так как простое применение вероятностной статистики, получившей в конце 50-х годов широкое применение в лингвистике, не могло помочь во многих случаях при работе над специфическим грамматическим материалом.

В связи с этим нами был применен комплекс приемов собирания и арифметической обработки данных, призванный не устанавливать жесткие вероятностные количественные закономерности, а лишь намечать, нащупывать некоторые тенденции в соотношении между количественными показателями по какому-нибудь признаку грамматического явления и качественным своеобразием этого явления. Совокупность этих приемов была нами условно названа «грамматической или симптоматической статистикой» или просто «симптоматикой». Соответствующие соображения были опубликованы нами в середине 60-х годов¹. Тогда же были опубликованы

¹ В. Г. Адмонн, Качественный и количественный анализ грамматических явлений, сб. «Теоретические проблемы современного советского языкознания», М., 1964; е г о ж е, Основы теории грамматики, М.—Л., 1964, стр. 62—72. Нами подчеркивалось при этом, что выдвигаемые нами положения распространяются только на грамматику, а не на другие области языка, так как для грамматики характерно чрезвычайно специфическое отношение между системой форм и системой значений.

ликованы результаты нашего исследования по развитию структуры предложения в немецком языке, которое было построено на такой «симптоматической», но вероятностной подборке и обработке полученных нами количественных данных ².

Теперь, однако, оказывается необходимым снова в общем виде вернуться к вопросу о подходе к количественной стороне грамматических явлений. Причина этого — появление статьи Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой «К вопросу о применении статистики в языкознании» ³. И дело не столько в том, что статья Зиндера и Строевой в значительной мере посвящена резкой критике нашей трактовки количественной стороны грамматических явлений, сколько в том, что при этом обнаружались кардинальные расхождения между лингвистами в понимании некоторых вопросов, которые в свое время казались нам бесспорными и не требующими специального разъяснения. Теперь же мы видим, что все имплицитное должно быть изложено эксплицитно.

Возражая против противопоставления строгой и нестрогой статистики, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева требуют, чтобы всякое обращение к количественной стороне грамматических явлений (по крайней мере, в рамках их функционирования в речи) производилось на основе методов математической статистики.

Вероятностная статистика рассматривается как единственно актуальная для любого лингвистического количественного исследования не только Л. Р. Зиндером и Т. В. Строевой. Так, в одной из первых и наиболее авторитетных статей, посвященных в советском языкознании внедрению статистики в языковедческие исследования, — в статье Р. М. Фрумкиной ⁴, никак не оговаривается возможность какой-либо другой статистики, кроме вероятностной. Вероятностная статистика действительно обладает огромными преимуществами перед более примитивными, чисто «арифметическими» способами статистической обработки количественного материала. Вот некоторые из этих преимуществ.

Вероятностная статистика сама, с помощью применения особых математических операций, устанавливает, являются ли колебания в полученных данных по какой-то совокупности выборок случайными, т. е. воспроизводящими именно вариации в случайном распределении признаков у однородных явлений, или сущностными, т. е. зависящими от качественных различий между сопоставляемыми явлениями. Между тем, «простая», не вероятностная статистика различает «случайные» и «сущностные» колебания, лишь исходя из качественного анализа сопоставляемых явлений.

Вероятностная статистика, далее, устанавливает математическими методами степень достоверности количественных данных, пределы ошибок, которые могут быть допущены при оперировании выборками того или иного размера из некоторой совокупности, позволяет выявить долю данной совокупности, на которую может не распространиться данная статистическая закономерность и т. д.

Между тем, в «простой», не вероятностной статистике степень достоверности математически не может быть установлена.

² В. Г. Адмони. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка, М., 1966.

³ Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. К вопросу о применении статистики в языкознании, ВЯ, 1968, 6.

⁴ Р. М. Фрумкина. Применение статистических методов в языкознании, ВЯ, 1960, 4. Основное требование, которое здесь предъявляется к количественному анализу языковых фактов: «выборка должна быть произведена согласно определенным правилам, а достоверность полученных результатов проверена» (стр. 130).

И все же наличие всех этих преимуществ еще не позволяет сделать вывод, что при изучении количественной стороны грамматических явлений всегда должна применяться только вероятностная статистика. Нельзя забывать, что даже самый совершенный метод исследования применим не всюду и не всегда. Основная цель настоящей статьи и заключается в том, чтобы показать на нескольких примерах, без всяких претензий на полноту, что в сфере грамматики существует ряд типических случаев, когда при количественных исследованиях использование вероятностной статистики либо не соответствует задачам исследования, а порой вообще невозможно, либо в принципе представляется возможным, но оказывается нецелесообразным в связи с некоторыми особенностями самого материала. Рассмотрим сначала первый из этих случаев.

2. Установление количественных данных может быть не основным, а побочным моментом в исследовании, причем введение вероятностного аппарата чрезвычайно утяжелило бы исследование и увело бы его в другую сторону.

Так, изучая притяжательные прилагательные и синонимичные им определения в современном немецком языке, В. М. Румянина систематически приводит количественные данные как в плане состава разряда притяжательных прилагательных (по его отдельным типам и их семантическим разновидностям), так и в плане употребительности этих типов и разрядов притяжательного прилагательного, а также их синонимов в речи⁵. Она опирается на материал, собранный ею из текстов, общим объемом свыше 15 млн печ. знаков и состоящих из 3850 примеров с притяжательными прилагательными и синонимичными формами, к которым присоединяется 250 сочетаний с притяжательными прилагательными, извлеченных из некоторых терминологических и общих словарей. На этой основе делаются, например, такие количественные наблюдения: притяжательных прилагательных с географической семантикой встретилось 1816 примеров; синонимичных же сочетаний с определительным родительным 150 примеров, предложных определений 264 примера, первых компонентов сложного существительного — 71 пример. Никаких оценок достоверности этих данных в смысле их значимости для всей совокупности текстов современного немецкого языка В. М. Румянина не приводит. Но содержащиеся в ее работе материалы дают такую количественную характеристику употребления соответствующих форм, которая совершенно достаточна для общей ориентировки в этом явлении. Здесь намечается определенная количественная перспектива, выявляющая как значительные разрывы в употребительности соответствующих синонимических форм — значительно больше, значительно меньше и т. п., — так и известные сходения в этом отношении. Не претендуя на выявление жестких закономерностей, эти данные восполняют качественную характеристику исследуемых грамматических явлений примерной, но достаточной для подобного лингвистического исследования количественной ориентировкой.

Трактовка количественных данных в работе В. М. Румяниной является статистической. Но это не вероятностная статистика, так как здесь отсутствует установление степени достоверности соответствующих данных и т. п. Вместе с тем, эта трактовка — в рамках задач, поставленных себе В. М. Румяниной — является уместной и плодотворной.

Но даже там, где выяснение употребительности грамматических явлений принадлежит к непосредственным задачам исследования, применение вероятностной статистики оказывается практически ненужным и даже

⁵ В. М. Румянина, Притяжательные прилагательные и синонимичные им определения в современном немецком языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1963.

невозможным, если сами эти явления встречаются лишь весьма редко, спорадически, что характерно для известной работы И. Юнгера⁶.

Обращение к вероятностным методам оказывается заведомо ненужным и при таких подсчетах, которые производятся для установления определенного количественного статуса грамматических явлений, независимо от степени распространенности явлений с таким статусом.

Так, обнаружение обширных элементарных предложений, хотя бы на самом незначительном отрезке текста, у таких мастеров немецкой прозы XVIII в., как Гете и Винкельман, имеет огромное значение без установления того, насколько систематически такие предложения этими авторами употребляются. Сам факт обращения к подобным структурам писателей, выделяющихся естественной плавностью и гармоничностью своей фразы, показывает, что такие структуры могли уже в это время строиться как полноценные пластические образования, отнюдь не свойственные лишь «бумажным» пластам деловой речи. Установление такого факта существенно для исторического синтаксиса немецкого языка само по себе, безотносительно к каким-либо вероятностным выводам по общей употребительности этой структуры у Гете и Винкельмана, хотя при определенных обстоятельствах несомненный интерес может представить и более широкое исследование размеров элементарного предложения у этих авторов. Однако никакие полученные при этом данные не смогут отменить обнаруженного хотя бы в одном отрезке их произведений значительного размера элементарных предложений⁷.

Таким образом, в плане лингвистического исследования огромное значение может иметь простое установление возможности определенного сочетания качественных и количественных моментов, для чего совершенно не требуется какая-либо вероятностная оценка.

Одним из примеров установления возможности такого пересечения качественных и количественных моментов может также служить (в лингвостилистической сфере) обнаруживающееся на отдельных страницах в описаниях у современного писателя П. Вейсса широкое употребление родительного падежа. Так, на первой странице повести «Der Schatten des Körpers des Kutschers» 26.45% (17 примеров) общего количества существительных стоит в родительном падеже. Столь широкое применение родительного падежа, значительно превосходящее его обычное применение в художественной литературе⁸, основывается на таких специфических стиливых чертах, проявляющихся с особой силой (как бы нарочито экспериментально) в данном отрезке текста Вейсса⁹, как стремление перенести в художественное описание черты делового (в частности, технического) стиля.

Фиксация подобного употребления родительного падежа на хотя бы самом ограниченном участке художественного произведения исключительно важна и интересна для лингвостилистической характеристики современного немецкого языка (и тем самым для конкретной характеристики самого строя современного немецкого языка) в плане реальных потенций

⁶ I. L j u n g e r u d, Zur Nominalflexion in der deutschen Literatursprache nach 1900, Lund, 1955. См. например, стр. 171—172, 224—225, 254—255.

⁷ См.: В. Г. А д м о н и, Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка, стр. 70—72.

⁸ По данным Л. Н. И н о з е м ц е в а («Емкость группы существительного в современном немецком языке». Автореф. канд. диссерт., Л., 1965, стр. 9), существительные в родительном падеже составляют в художественной литературе лишь 6,74% общего числа существительных.

⁹ Нарочитый и экспериментальный характер носит сам заголовок этого произведения П. Вейсса («Der Schatten des Körpers des Kutschers») с его цепочкой из двух определительных родительных.

использования родительного падежа независимо от того, встречается ли подобное использование на других страницах данной повести П. Вейсса и в других его произведениях или в произведениях других современных немецких прозаиков. Любые данные, добытые по другим текстам, не смогут отменить факта наличия в данном тексте определенного употребления родительного падежа, проявляющего себя как качественно, так и количественно. Ни о какой проверке степени достоверности подобного употребления родительного падежа здесь не может быть и речи, так как здесь вообще не ставится вопрос о том, в какой мере данное употребление распространяется на всю совокупность данного произведения или еще шире.

Мы привели лишь небольшую часть тех примеров, когда обращение к количественным данным не может — в силу самого существа соответствующих исследований — проводиться приемами вероятностной статистики. Во всех этих случаях исследователь производил подсчеты, т. е. так или иначе занимался статистикой. Но эта статистика, оставаясь в пределах арифметических, т. е. самых элементарных математических операций, не была вероятностной статистикой.

3. Обратимся теперь к тем случаям, когда вероятностная трактовка количественной стороны грамматических явлений в принципе, формально, представляется возможной, но когда характер материала делает предпочтительнее — целиком или частично — обращение к «симптоматической статистике».

Мы рассмотрим лишь один вид таких случаев, а именно употребление грамматических форм, систематически, а не изредка встречающихся в речи. Выбор именно этой проблемы представляется нам целесообразным в связи с тем, что к сфере употребительности систематически встречающихся грамматических форм вероятностная статистика не раз уже обращалась и что в ряде случаев, — но не всегда, как мы постараемся показать, — она действительно может быть здесь использована¹⁰. Наши соображения будут проиллюстрированы анализом употребительности родительного падежа в современном немецком литературном языке. Это вызвано тем, что по данному вопросу имеются поучительные работы — в частности, статья Т. В. Строевой¹¹, в которой на практике применяются общие положения, изложенные в упомянутой статье Л. Р. Зидера и Т. В. Строевой.

Вероятностная статистика не является единственно возможным спо-

¹⁰ Это мы подчеркивали и в наших прежних работах. См., например: «Это не значит, что методы математической статистики вообще неприменимы в историко-грамматическом и вообще в грамматическом исследовании. На своем месте они возможны и нужны» (В. Г. Адмони, Качественный и количественный анализ грамматических явлений, «Теоретические проблемы современного советского языкознания», М., 1964, стр. 66).

¹¹ Т. В. Строева, Сопоставительная статистика падежных словосформ имени существительного в немецком и русском языках, «Иж. яз. в шк.», 1968, 5. Хотя непосредственная тема статьи сопоставительная, основное внимание в ней уделено употребительности родительного падежа в немецком языке. Что касается сопоставления данных немецкого и русского языков, то Т. В. Строева всесторонне подчеркивает меньшую употребительность родительного падежа в немецком языке по сравнению с русским. Но с точки зрения внутренней проблематики немецкого языка чрезвычайно интересно и важно, что данные Т. В. Строевой, как и данные других исследователей, выявляют сравнительно высокую частотность родительного падежа, которая, хотя и уступает, как правило, частотности других падежей, но все же соизмерима с ней, не сводится к единичным случаям употребления. Этот момент весьма примечателен, потому что родительный падеж в немецком языке часто рассматривался как мертвый, искусственный, отмирающий и т. п. — в связи с тем, что он полностью исчез в большинстве диалектов и чрезвычайно редко употребляется в обиходно-разговорной речи. С этой точки зрения удивительно не столько то, что частотность родительного падежа в немецком и русском языках различается, сколько то, что их частотность все же соизмерима, характеризуюсь превышением употребительности родительного падежа в русском языке в 2—2,5 раза. О проблемах развития родительного падежа в немецком языке см.: W. G. Admoni, Die umstrittenen Gebilde der deutschen Sprache von heute, «Muttersprache», 1962, 6.

собом исследования употребительности грамматических форм, в первую очередь, вследствие того, что чрезвычайно трудно установить реальные очертания той совокупности, по отношению к которой оценивается степень достоверности количественных наблюдений на данном материале.

Наиболее трудно определима та совокупность, которой является язык какого-либо народа в какой-либо период его истории, даже если ограничить его рамками языка литературного. Неясно, какой из функциональных стилей следует взять за основу, чтобы определить общие количественные закономерности, характерные для данного языка в целом. Еще более неясно, по какому расчету соотнести между собой данные, устанавливаемые для употребительности какой-либо грамматической формы в разных функциональных стилях. Ведь функциональные стили не равноправны, не равнозначимы с точки зрения функционирования языка в его цельности, и равенство выборок по каждому стилю объективно не отражает соотношение между этими стилями в языке.

Поэтому выведение средних данных по употребительности какой-либо грамматической формы в каком-либо языке может быть лишь весьма приблизительным и условным. Именно так и поступает в отношении употребительности родительного падежа Л. Н. Иноземцев, оценивающий полученные количественные данные «не как выражение строгой вероятностно-статистической закономерности, а как симптомы качественных тенденций». Иноземцев обследует четыре функциональных стиля (научно-технический, общественно-политический, художественный и обиходно-разговорный) и намечает среднюю частотность употребления родительного падежа в «среднем» немецком языке — 14,10%. В научно-техническом стиле она поднимается до 18,60%, в общественно-политическом до 24,9%¹².

Другим путем идет Т. В. Строева, ориентирующаяся на выведение строгих, жестких закономерностей и использующая аппарат вероятностной статистики, хотя и в рамках «элементарной описательной статистики»¹³. Она ограничивается данными одного (научного) функционального жанра для установления частотности родительного падежа в немецком языке в целом.

Конечно, Т. В. Строева знает, что «разные функциональные стили... имеют совершенно разные показатели количественного распределения падежных словоформ...». Но она именно этим мотивирует то, что для задуманного ею сравнения ей «пришлось остановиться на одном из них (функциональных стилей. — В. А.)»¹⁴, даже не ставя вопроса о том, в какой степени полученные ею данные характеризуют весь немецкий язык, везде подставляя более общую совокупность «немецкий язык» там, где ее материалы позволяют ей говорить лишь о более частной совокупности, т. е. об одном функциональном жанре немецкого языка. Да и сопоставление с русским языком, которое является непосредственной целью статьи Т. В. Строевой, фактически оказывается сопоставлением лишь одного функционального стиля немецкого языка с одним функциональным стилем русского языка. Между тем, по данным В. А. Никонова по русскому языку¹⁵ и Л. Н. Иноземцева по немецкому языку можно заключить, что в обиходно-разговорной речи употребление родительного падежа в немецком языке еще более уступает его употреблению в русском

¹² Л. Н. Иноземцев, указ. соч., стр. 9. В статье Т. В. Строевой данные Л. Н. Иноземцева не учтены.

¹³ Т. В. Строева, указ. соч., стр. 14.

¹⁴ Т. В. Строева, указ. соч., стр. 8.

¹⁵ В. А. Никонов, Статистика падежей русского языка, «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1959, 3 (10), стр. 48.

языке, чем это имеет место в стиле научной литературы. У В. А. Никонова процент родительного падежа в разговорной речи колеблется между 11,0 и 16,0, в то время как у Л. Н. Иноземцева он равняется в среднем 3,2%. Таким образом, родительный падеж встречается в обиходно-разговорной речи в немецком языке, примерно, в 3,5—4 раза реже, чем в русском языке. Между тем, в научной литературе в немецком языке (по данным Никонова, Иноземцева и Строевой) родительный падеж встречается лишь в 2,—2,5 раза реже, чем в русском языке.

Невозможность вероятностно-статистического, жесткого определения частотности употребления грамматических форм во всей совокупности литературного языка делает понятным, почему вероятностно-статистические работы, как правило, посвящены употреблению грамматических форм в тех или иных функциональных стилях, а не в языке в целом. Но, даже в стиле научной литературы возможны весьма значительные расхождения между отдельными ее отраслями, а также между манерами изложения — как индивидуальными, так и более общего типа.

Наибольшим единообразием обладают — в плане употребительности в них грамматических форм — некоторые узкие отрасли науки и техники, язык которых характеризуется чрезвычайной отработанностью не только терминологии, но и всей манеры изложения, где употребителен ряд постоянно повторяющихся структур, даже штампов, как бы заранее навязывающихся пишущему. Повторяемость формул и условных обозначений содействует здесь единообразию в употреблении языковых форм. Вероятностно-статистические обследования более всего применимы именно к такому материалу.

Но, как мы уже сказали, во многих областях научной литературы, особенно в таких, где имеются многообразные тематические и проблемные ответвления, где у пишущих возможны различные стилевые установки, нередко связанные с различиями в научных концепциях, возможно — как результат воздействия всех этих факторов — и значительное многообразие в плане употребительности грамматических форм.

Обратимся снова к употреблению родительного падежа.

Как мы видели, по данным Л. Н. Иноземцева, не претендующим на строгость, средняя частотность употребления родительного падежа в научно-техническом стиле немецкого языка составляет 18,60%.

По данным Т. В. Строевой, претендующим на вероятностно-статистическую строгость, эта употребительность составляет 16,6%. К этому выводу Т. В. Строева приходит, обследовав тексты из шести областей научной литературы (в скобках указываем процент употребительности родительного падежа): 1) философия и политическая экономия (17,8%), 2) лингвистика (15,30%), 3) литературоведение (18,4%), 4) геология (16,1%), 5) история математики (17,7%), 6) металловедение (14,7%). Тексты относятся к XX в., к разным его периодам, в том числе и самому началу. По каждой области взято для русского языка 5000 слов, для немецкого языка 10 000 слов. Заданная ошибка при подсчетах — 0,1¹⁶.

Но совпадает ли употребительность родительного падежа в этих областях знания с его употребительностью в других областях знания? Ведь за пределами анализа здесь остались такие науки, как математика и физика, биология и медицина, химия и астрономия и мн. др. В некоторых случаях взятая Т. В. Строевой отрасль знания, может быть, действительно является репрезентативной для целого ряда отраслей: металловедение,

¹⁶ Т. В. Строева, указ. соч., стр. 10—11. Для русского языка устанавливается коэффициент вариации 14%. Для немецкого языка коэффициент специально не указывается, но, судя по ссылке в табл. II на примечание к табл. I, он был вычислен примерно в тех же размерах.

возможно, «покрывает собой» целый ряд технических наук. Но у названных нами выше отраслей знания, не вошедших в набор Т. В. Строевой, нет прямых соответствий в этом наборе. Так, даже история математики вряд ли может репрезентировать математику как таковую, являясь дисциплиной переходной, стоящей на грани между математикой и гуманитарной наукой — историей.

4. В статье Т. В. Строевой содержится молчаливое допущение того, что все необследованные ею отрасли знания характеризуются тем же распределением падежей, который ею установлен для обследованных отраслей знания. А различия в этом распределении между обследованными ею областями рассматриваются ею как несущественные на основании того, что при применении формулы, позволяющей вычислить коэффициент вариации, т. е. показывающий меру колеблемости выборочных частот, ею были получены величины, которые вероятностная статистика признает допустимыми для выдвижения гипотезы о случайности варьирования частот.

Мы не имели возможности провести развернутые разыскания по этой проблеме. Однако даже весьма ограниченные материалы позволяют нам поставить под сомнение концепцию Т. В. Строевой.

Прежде всего, сами материалы Т. В. Строевой показывают известную дифференциацию употребительности родительного падежа в зависимости от характера области знания. А именно, гуманитарные или полугуманитарные науки (за одним исключением) характеризуются более высокой долей родительного падежа, чем науки точные, в том числе технические. Философии и политической экономии (17,8%), литературоведению (18,4%) и истории математики (17,7%) противостоят геология (16,1%) и металловедение (14,7%). Особое место занимает лишь лингвистика (15,3%), которая стоит на втором месте «снизу», сразу за металловедением, тем самым, казалось бы, начисто опровергая наше предположение об известном различии в распределении падежей между гуманитарными и негуманитарными науками.

Но сама лингвистика — особенно в последнее десятилетие — является наукой весьма неоднородной — как с точки зрения материала, так и с точки зрения методики исследования. Если обратиться под этим углом зрения к тем текстам, которые были обследованы Т. В. Строевой, то окажется, что оба взятые ею текста репрезентируют лишь одну единственную и очень специфическую отрасль языкознания, а именно, весьма единообразные структуралистские работы, входящие в серию «*Studia grammatica*», для которой, как и для многих других ответвлений структурализма, характерна большая стилевая близость к точным наукам. Если же привлечь лингвистические тексты, относящиеся к другим разделам этой науки или написанные с несколько иных позиций, то результаты уже будут иными. Так, мы обследовали выборки из трех современных историй немецкого языка, взяв разделы, посвященные развитию немецкого литературного языка, и получили следующие весьма сходные между собой данные: Г. Мозер¹⁷ — всего существительных 1432, из них существительных в родительном падеже 304, т. е. 21,23%, А. Бах¹⁸ — всего существительных 1238, из них существительных в родительном падеже 251, т. е.

¹⁷ Н. М о s e r, *Deutsche Sprachgeschichte*, 3. Aufl., Stuttgart, 1957, стр. 142—163. Здесь и далее при подсчетах не учитывались цитаты и примечания всех видов, языковые примеры и сокращения, а также инициалы. Названия книг и т. п. рассматривались как одно слово.

¹⁸ А. В а c h, *Geschichte der deutschen Sprache*, 8. Aufl., Heidelberg, 1965, стр. 368—397. Не учитывались разделы, данные петитом.

21,1%, Г. Эггерс¹⁹ — всего существительных 624, из них существительных в родительном падеже 118, т. е. 19,09%. Это почти на 4—6% превосходит данные Т. В. Строевой. Однако и в других областях языкознания возможны величины, не совпадающие с данными Т. В. Строевой. Так, в работах по грамматике современного немецкого языка и исторической грамматике, более близких к «традиционной грамматике», в разделах, носящих более обобщенный характер (вводных или итоговых), мы находим следующие величины; В. Флемиг²⁰ — всего существительных 220, из них существительных в родительном падеже 50, т. е. 22,7%. В. Флейшер²¹ — всего существительных 575, из них существительных в родительном падеже 127, т. е. 22,9%. Во «Введении» в книгу В. Зейбике, посвященной развитию значения слова *Technik*²², всего существительных 506, из них в родительном падеже — 106, т. е. 20,95%.

Еще более интересные данные обнаруживаются в работе, стоящей на стыке между лингвистикой и литературоведением, а именно изучающей стиль художественной литературы. В книге Ф. Мартини²³ в двух последних абзацах всех глав процент существительных в родительном падеже колеблется между 16,44% (глава о Кафке) и 31,68% (глава о Брохе), при средней доле родительного падежа во всех этих заключительных абзацах — 24,46%.

А в лекции Т. Манна «Об искусстве романа», прочитанной им перед студентами Принстонского университета, общее число существительных 954, а число существительных в родительном падеже — 215, что составляет 22,5%.

Мы приводим эти данные не для того, чтобы установить какие-либо жесткие закономерности, а только для того, чтобы показать, что тенденции в употребительности родительного падежа в лингвистической и близкой к ней литературе явно не укладываются в показатели, установленные Т. В. Строевой, и что возникающие здесь количественные расхождения явно связаны с качественными, сущностными различиями между текстами или между разделами одного текста.

В самом предварительном порядке здесь можно высказать предположение, что увеличение доли родительного падежа в лингвистических текстах связано с приближением лингвистической тематики и проблематики к исторической и философской тематике и проблематике, с усилением момента обобщенности и итоговости и с уменьшением формально-описательной тематики: заслуживает внимания, что в сугубо описательном, эмпирическом отрывке из книги В. Флейшера (§§ 2,4—2—5) доля родительного падежа (34 примера) среди всего числа существительных (428) понижается до 7,94% по соотношению с 22,09% во введении и заключении. Вероятно, здесь играют роль и такие стилевые моменты, как тенденции одних лингвистических направлений или отдельных ученых к более субстантивному или к более вербальному стилю и т. п. Все это требует длительного изучения. Но во всяком случае здесь намечается значительная дифференциация, вызванная воздействием ряда конкретных факторов.

¹⁹ H. Eggers, Deutsche Sprachgeschichte, I, «Rowohlts deutsche Enzyklopedien», 185/186, 1963, стр. 225—233.

²⁰ W. Flä mig, Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart, 2. Aufl. Berlin, 1962, стр. 1—5.

²¹ W. Fleischer, Strukturelle Untersuchungen zur Geschichte des Neuhochdeutschen, Berlin, 1966, стр. 1,1—5; 3, 12, 1—7.

²² W. Seibicke, Technik. Versuch einer Geschichte der Wortfamilie um *tekne* in Deutschland vom 16. Jh. bis etwa 1830, Düsseldorf, 1968, стр. 1—12.

²³ Fr. Martini, Das Wagnis der Sprache. Interpretationen deutscher Prosa von Nietzsche bis Benn, 2. Aufl., Stuttgart, 1956.

А если такое положение обнаруживается внутри одной отрасли науки, то вряд ли могут быть сомнения в том, что весьма значительные расхождения существуют между отдельными отраслями науки или их группами.

Реальная картина употребительности родительного падежа во всей системе научной литературы несравненно сложнее той картины, которая нарисована в статье Т. В. Строевой. Вообще, в противоположность Т. В. Строевой, которая полагает, что ее исследование исчерпывает и как бы «закрывает» проблему употребительности родительного падежа в немецкой научной литературе, мы считаем, что исследования Л. Н. Иноземцева, Т. В. Строевой и др. являются только первыми шагами в разработке этой проблемы.

Но уже сейчас можно сказать, что по вопросу об употребительности родительного падежа в научном языке в целом результат вообще не может быть сведен к жестким и строгим (в вероятностно-статистическом смысле) данным. Такие характеристики соотношения между употребительностью падежей в немецкой научной литературе, как значительное количественное преобладание именительного и дательного падежей при значительном отставании винительного и — особенно — родительного падежей, оказываются более точными, чем какая-нибудь характеристика, устанавливающая жесткие верхние и нижние границы колебаний в употребительности этих падежей в этом функциональном стиле, т. е. рассматривающая эти колебания как несущественные вариации. Именно такие случаи мы имели в первую очередь в виду, когда писали, что часто «очень общие и ориентировочные термины „больше“, „меньше“, „много“, „мало“, „значительно больше“ и т. п. по сути дела более точны, чем вероятностно-статистические данные»²⁴.

Повторим еще раз, что настаивая на важности симптоматического подхода к количественной стороне грамматических явлений, мы совсем не отрицаем и возможности в ряде случаев вероятностно-статистического подхода к ней. Как раз те исследователи, которые утверждают необходимость фронтального вероятностно-статистического подхода при изучении количественных моментов в грамматике, затрудняют обнаружение тех частных областей грамматического строя, где этот подход оказывается действительно оправданным. Выяснить это можно только на основе чрезвычайно дифференцированного подхода к количественной стороне грамматического строя — в частности, к проблеме употребительности грамматических форм.

Так, возвращаясь к употребительности грамматических форм в функциональном стиле научной литературы, отметим, что здесь возможна была бы дифференциация не только по отраслям знания, но и по формам трактовки материала. Обобщенное теоретическое изложение какой-либо проблемы может в принципе характеризоваться несколько иными тенденциями в употребительности некоторых грамматических форм, чем описание эксперимента, перечисление ряда конкретных фактов и т. д. Если в художественной литературе употребительность грамматических форм обычно рассматривается раздельно по авторской речи и речи персонажей, то определенная дифференциация желательна в той или другой степени и в других функциональных стилях. Впрочем и в художественной литературе для более адекватной характеристики употребления некоторых грамматических форм возможно дополнительное выделение таких отличающихся друг от друга моментов повествования, как обобщенное описание характеристики персонажей и т. п.

²⁴ В. Г. А д м о н и, Основы теории грамматики, М.—Л., 1964, стр. 82.

Исследование количественной стороны грамматических явлений — это сложный и длительный процесс, ведущий ко все большей детализации и дифференциации. Представление, что путем применения вероятностно-статистических приемов здесь можно с легкостью однозначно решить и «закрыть» существеннейшие проблемы, совершенно не соответствует действительности.

5. Утверждая необходимость и возможность фронтального применения вероятностной статистики в сфере употребления грамматических форм, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева отмечают наше соображение, что при вероятностно-статистическом подходе может оказаться не учтенным то качественное различие, которое иногда стоит за одинаковыми количественными данными. Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева опровергают это положение утверждением, что «первый закон статистики — это подсчет однородных единиц...»²⁵.

Но практически установление однородности или неоднородности языковых явлений в сфере употребительности грамматических форм оказывается совсем не таким простым делом. Так, по материалам Г. Аренса²⁶, чрезвычайно близки друг к другу размеры цельного предложения в написанных в середине XVIII в. «Баснях» Лессинга (13,66) с их предельно обобщенным содержанием и в романе Деблина «Берлин — Александерплац», написанном в 20-х годах нашего века и изображающем жизнь большого города с чрезвычайной конкретностью (13,92). Еще более разительно почти полное совпадение, обнаруживающееся — также по материалам Аренса — в размерах цельного предложения между сказками братьев Гримм (27,22) и «Волшебной горой» Т. Манна (27,19). Стиль «Сказок», выдвигающий на передний план конкретные действия и состояния персонажей, снабжающий существительные лишь самыми необходимыми определениями, противостоит здесь стилю интеллектуальной прозы, освещающей предмет изображения с разных сторон, перебирающей множество различных признаков предмета, чтобы найти его наиболее существенный признак и т. д. Но выражается все это, согласно подсчетам Аренса, в цельных предложениях одинакового размера.

Качественная неоднородность величин, совпадающих по своим количественным показателям, подстерегает исследователя на каждом шагу. Этим подкрепляется наш общий вывод, что при анализе количественной стороны грамматических явлений, помимо вероятностно-статистических приемов надо применять и другие приемы анализа количественных наблюдений, в частности, установление во всей массе исследуемого материала опорных пунктов, характеризующихся четким выявлением того воздействия, которое оказывают на частотность употребления соответствующей грамматической формы те или иные факторы. Вокруг таких опорных пунктов могут затем группироваться тексты, у которых эти факторы также действуют, но менее сильно.

Как мы видели, такой подход отнюдь не отрицает важности установления средних данных. Для того чтобы выявилось своеобразие частотности употребления грамматических форм под воздействием специфических факторов, надо прежде всего иметь средние данные по соответствующему функциональному стилю или по какой-нибудь его области, а в какой-то мере и по всему языку. Но в отличие от вероятностно-статистического подхода, средние данные выводятся и трактуются здесь не как жесткие и строгие, достоверность которых поддается точной проверке, а как приблизительные, наметочные, колеблющиеся, дающие лишь общий ориентир

²⁵ Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева, указ. соч., стр. 122.

²⁶ H. A r e n s, *Verborgene Ordnung. Die Beziehungen zwischen Satzlänge und Wortlänge in deutscher Erzählprosa vom Barock bis heute*, Düsseldorf, 1965.

и перспективу и не только допускающие, но и предполагающие весьма широкую, заранее не установленную амплитуду колебаний.

В отдельных случаях, по некоторым областям некоторых функциональных стилей, как мы уже отметили, в качестве средних данных возможны и данные, установленные вероятностно-статистическими способами, т. е. строгие и жесткие. Но это будут лишь частные случаи, впрочем, без труда включающиеся в общую систему, построенную на выявлении приближительных средних данных, на фоне которых выступают в своем своеобразии разного рода более специфические «опорные пункты», в которых отчетливо проявляется воздействие тех или иных частных факторов.

В этих случаях количественные показатели рассматриваются не как жесткие закономерности, а как мобильные, колеблющиеся приметы, выступающие лишь как симптомы тех или иных качественных моментов, существенных данным явлениям. Именно поэтому мы в свое время сочли уместным условно называть все эти, а заодно и другие способы обработки наблюдений над количественной стороной грамматических явлений, не укладывающиеся в рамки вероятностно-статистических способов, способами симптоматически-статистическими (или просто симптоматическими). Введением особого термина мы хотели подчеркнуть наличие двух принципиально различных, хотя и могущих взаимодействовать, подходов к осмыслению подающейся подсчетам количественной стороны грамматических явлений. А выбором термина «симптоматический» мы хотели подчеркнуть, что суть этого подхода состоит в рассмотрении количественных показателей как симптомов качественных признаков.

Правда, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева возражают против применения этого термина на том основании, что и вероятностная статистика всегда симптоматична, выявляя качественные симптомы соответствующего объекта. Но даже если согласиться с этим утверждением, то нельзя не отметить, что вероятностная статистика, помимо того, что она симптоматична, устанавливает также жесткие статистические закономерности и выявляет степень достоверности этих закономерностей. Между тем, тот количественный подход, который мы называем симптоматической статистикой («симптоматикой»), ограничен лишь своей функцией симптома для выявления определенных качественных моментов исследуемого объекта. Но в какой-то мере вероятностная статистика, по самому своему замыслу, вообще в своей основе вряд ли может рассматриваться как симптоматическая. Ведь она трактует колебания в количестве каких-либо показателей у ряда объектов совсем не как проявление разных качеств этих объектов, а как проявление закономерностей, управляющих случайными признаками, т. е. как случайное распределение, подведомственное именно статистическим, математическим закономерностям. А симптоматической, т. е. сигнализирующей о качественных сдвигах, вероятностная статистика становится, собственно, тогда, когда она выходит за свои пределы, когда она устанавливает, что колебания в количестве данных показателей не укладываются в рамки вероятностного распределения, т. е. не случайны. Правда, вероятностная статистика обладает аппаратом, который способен фиксировать момент, когда количественные колебания из случайных делаются существенными, что усиливает связь вероятностной статистики с симптоматикой. Но вся основа вероятностной статистики не симптоматична.

Ведь вероятностно-статистические закономерности как таковые вообще направлены не на то, чтобы наметить какие-либо каузальные связи, вызывающие данное количественное распределение, или хотя бы поставить вопрос о таких связях, а на то, чтобы заменить собой каузальные связи. Вероятностно-статистическое объяснение какого-либо явления по своему замыслу есть альтернатива к причинному объяснению этого яв-

ления. Но «симптоматика» отнюдь не претендует на замену причинного объяснения, а напротив, стремится содействовать такому объяснению.

Нам могут, естественно, возразить, что при наличии у вероятностной статистики особого аппарата для установления тех пределов, за которыми распределение тех или иных величин из вероятностного (случайного) становится каузально мотивированным, и в грамматике при обращении к ее количественной стороне следует всегда начинать с вероятностно-статистического испытания на применимость того или иного метода к данному материалу. Но не говоря уже о том, что этот аппарат не всегда срабатывает, в очень многих случаях такой путь означал бы излишнюю задержку и был бы простым проявлением педантизма, так как причинная связь определенных факторов с определенными количественными сдвигами в этих случаях дана отчетливо и без таких предварительных испытаний.

Одной из задач наших прежних публикаций, посвященных изучению количественной стороны грамматических явлений, было предостеречь молодых языковедов от механического применения приемов вероятностной статистики при каждом обращении к количественному материалу. Опасность такого бездумного ученичества, сводящего всякую обработку количественных данных к использованию некоторого набора формул, особенно велика потому, что за последние десятилетия подобная тенденция свести труд лингвиста к применению определенных заранее данных схем к языковому материалу без всякого учета специфики этого материала стала проявляться с большой силой, ведя к обеднению общей картины языка²⁷. Впрочем за последнее время эта тенденция начала преодолеваться. Тем досаднее, что она теперь заново возрождается в сфере количественных исследований грамматических явлений. Стремление предотвратить это — вот одна из важнейших причин появления настоящей статьи.

«Симптоматический» подход к количественной стороне грамматических явлений отнюдь не означает «легкой жизни» для исследователя. Напротив, он ставит перед ним чрезвычайно трудную задачу, поскольку лингвист, помимо выполнения подсчетов как таковых, должен при этом всегда заново рассматривать все связи, в которых находится изучаемое явление, взвешивать соотносительную силу факторов, действующих на это явление, устанавливая те перспективы, в которых это явление должно рассматриваться. Кстати, он должен быть в состоянии — там, где это действительно нужно, — применять и приемы вероятностной статистики. Но эти трудности вознаграждаются тем, что он, хотя бы в отдаленном приближении, раскрывает реальную исключительно сложную картину языковой действительности. Его работа, как правило, не «закрывает» начатое им исследование, а открывает новые стороны изучаемых явлений и новые возможности применения разных методов изучения количественной стороны грамматических явлений, а также их качественной стороны.

Человечество имеет все основания гордиться тем, что им создана — в качестве языка — такая многоаспектная, многослойная система, в которой, в процессе ее изучения, обнаруживаются все новые стороны, все новые сплетения и сцепления, все новые тенденции, как это имеет место при изучении явлений природы. И только естественно, что при исследовании языка — в частности, в его количественной сфере — чрезвычайно большое значение должны иметь методы, позволяющие нащупать все новые и новые связи и тенденции в языковой системе²⁸.

²⁷ Ср.: В. Г. Адмони, «Языкознание на переломе», «Ип. яз. в шк.», 1968, 3.

²⁸ Недостаток места не позволяет нам затронуть здесь вопрос о том, что исследование количественной стороны грамматических явлений может представлять интерес для общей проблематики соответствующих разделов математики. См.: В. Г. Адмони, Основы теории грамматики, стр. 103—104.